

Недопонимание

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар зашел в свой гэр, где ему помогала по хозяйству молодая шакалиха Райхана. Она готовила еду и прибирала, хотя с этим могла бы справиться и его мать. Санджар почти все время проводил со своими людьми или с лошадьми. Жеребята тяжело перенесли переход. Один чуть не пал, и мать отстала от табуна, чтобы остаться с ним. Санджару пришлось самому забрать жеребенка и довести до следующей стоянки, но сейчас он окреп и бегал не хуже сверстников.

- Санджар-гуай, - Райхана поклонилась ему, когда он зашел, чтобы пообедать. - Весь в делах?

- Не без того, - ответил Санджар. - Где мать?

- Она пошла к сестре обещалась быть к вечеру, - ответила Райхана. - Чай почти закипел, подождете?

Санджар кивнул. Он вышел, чтобы умыться затем вернулся в гэр. Но Райхана ждала его в одной рубашке и с распущенными волосами, чем заметно смутила.

- Я готова быть твоей, - сказала шакалиха.

- Оденься, - сказал Санджар. - И мы оба об этом забудем.

- Нет, - Райхана покачала головой. - Отвергнешь - скажу, что ты приставал ко мне, выбирай.

- Оденься, - ответил Санджар.

В следующий момент Райхана выбежала из гэра с воплями.

Алахчит Алтан Борджигин

Путь продолжался. По пути к озеру Хубсугул клан делал еще несколько крупных стоянок, чтобы кони отдохнули и набрались сил, да и люди перевели дух. Алахчит все время была занята, и старалась держать возле себя кого-то из своих людей, чтобы пресечь появление возле нее шакалека, выяснять с которым отношения у нее не было ни сил ни желания. Пусть не сразу, но ей удалось убедить ханов, что союз с полумифическими медведями им необходим, хоть ей и пришлось выслушать ряд ехидных комментариев, что их уже давно никто не видел, а она все еще верит в сказки, что рассказывают старики возле походного костра.

На этот раз Алахчит собрала Их-Чэрэна и Тэмуужина в своем гэре, чтобы обсудить с ними несколько несложных вопросов, когда в гэр вбежал один из внуков покойного Дэй-Сэцэна. Еще не носит оружия, но к лету будет уже к этому готов.

- Великий Хан, - заикаясь после бега, проговорил мальчишка, - там тебя зовут,

говорят, какую-то женщину шакалов обесчестили.

- Отложим дела, - велела Алахчит своим старейшинам, затем стремительно вышла из гэра, и, сопровождаемая мальчиком, отправилась за ним. Лисенок привел ее в ставку Хонгиратов, возбужденно гомонящую, словно растревоженный пчелиный улей.

- Что здесь происходит? - спросила она у бьющейся в истерике женщины шакалов, которую окружили ее товарки и женщины постарше, стараясь успокоить. Женщина была в одной нижней рубахе, волосы - разметались по плечам.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар понимал, что сейчас его слово будет против слова Райханы. И он сомневался, что поверят ему, но не собирался уступать шантажу. Единственным, что его реально пугало, было участие во всем Великого Хана. Он был влюблен в Алахчит и боялся, что обвинения Райханы бросят на него тень.

Он пошел следом за шакалихой, потому что собиралась толпа из тех, то собирался разбираться в произошедшем. Рядом он увидел женщину с обрезанными волосами. Он видел её в день сражения, и встречал пару раз после, но не запомнил по имени. Видел, что она ненавидела мужчин, и ожидал, что она выступит после него.

Санджар был одет в ту же одежду, в которой возился в лошадьми, но не был уверен, что сейчас это будет свидетельством в его пользу. Он молчал, пока собиралась толпа. Зато слышал, как Райхана рассказывала каждому встречному, что он к ней приставал.

Алахчит Алтан Борджигин

Женщина продолжала эмоционально голосить о том, что Санджар-гуай, в гэре которого она помогала его матери вести хозяйство, готовить и убираться, сорвал с нее одежду и начал приставать. Алахчит сначала не поверила своим ушам, ей казалось, что от него сложно ждать чего-то подобного. Всегда спокойный и рассудительный, он никак не ассоциировался у нее с человеком, который даже в пылу страсти может сорвать одежду.

Алахчит опешила и не сразу нашлась, что сказать, только перевела взгляд на Санджар-гуая, который вышел из гэра в рабочей одежде. Он молчал, но вокруг были хорошо слышны высказывания и ворчание остальных женщин шакалов, которые не собирались держать свое мнение при себе. Алахчит нахмурилась и вышла чуть вперед, чтобы на нее обратили внимание и замолчали. Только тихо всхлипывала женщина.

- Это правда? - спросила она у Санджар-гуая. Видение женщины она уже услышала, теперь она хотела послушать, что скажет в свою очередь Санджар-гуай. Но что-то Алахчит во всем этом смущало. То ли нежелание думать о вине Санджар-гуая, то ли сама тень мысли о том, что он и правда обратил внимание на другую женщину, то ли, то у шакалихи были распущены волосы. Монгольские кочевницы не носят волосы распущенными, если не собираются спать, а в середине дня какая хозяйка оставит дела и приляжет отдохнуть, если она не больна и не беременна. А чтобы

распустить тугие косы, недостаточно просто сорвать одежду.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар взглянул на Алахчит. Он считал ниже своего достоинства оправдываться в этой ситуации, но не мог проигнорировать этот взгляд и этот вопрос.

- Нет, это - не правда, - ответил он, глядя на Алахчит.

Он понимал, что все ждали её решения. Шакалихи поддерживали Райхану, её рассказ обрастал новыми подробностями. В этот момент вперед вышла женщина с обрезанными волосами. Санджар ждал, что его будут винить в том, чего он не совершал, и чувствовал, что у него не будет никаких доказательств, что он не виноват.

- Я была рядом и все слышала, - сказала женщина с обрезанными волосами. - Вы меня знаете, у меня нет причин верить мужчинам, ни Санжар-гуаю, ни кому бы то еще. Но Райхана сама разделась и сама сказала о том, что его обвинит, если он не будет её.

Санджар удивленно на нее взглянул, но промолчал. Ему было сложно оправдываться в том, где не было его вины.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит поняла, что услышала ответ мужчины с облегчением. Она доверяла ему и в его лице нашла для себя поддержку, с кем всегда могла обсудить дела и выслушать совет. Помимо прочего, ей просто было приятно с ним беседовать, и ей бы не хотелось получить подтверждение обвинениям против него. Это значило бы, что она ошиблась в человеке, и за этот проступок должно было следовать наказание. Достаточное, чтобы это стало примером для других и отбило у мужчин охоту посягать на честь женщин.

Но слов Санджар-гуая было недостаточно для того, чтобы она встала на его сторону, тем самым показав, что может пренебречь безопасностью женщины, которую они приняли в свой клан, пообещав им кров и защиту. Алахчит поняла, что перед ней стоит сложное решение, которое она не хотела принимать сгоряча. Но в защиту Санджара неожиданно выступила одна из женщин шакалов, кажется, ее звали Сафия. Алахчит все еще помнила, как она забила насмерть своего мужа или хозяина.

- Укройте ее, - велела она одной из старших женщин, что поддерживали "пострадавшую", которая заголосила еще сильнее, когда поняла, что ее вывели на чистую воду. - И уведите в свой гэр. Принимая в свой клан, давая вам обещание защиты и крова, мы рассчитывали на уважение к нашим порядкам и законам. Законы Лис карают за ложь и клевету. Суд будет на закате сего дня. До этого времени Райхане запрещается покидать свой гэр.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар ждал, что решит Алахчит. Он смел надеяться, что она хорошо к нему

относилась, но как хан она должна была стать справедливым судьей. И ситуация была отвратительна ему из-за этой подлой лжи. Он привык отвечать за свои слова и поступки, но не считал, что должен отвечать за то, чего он не говорил и не делал.

- Мне тоже оставаться в своем гэре? - спросил он у Алахчит, когда она сказала о своем решении в отношении Райханы.

Санджар заступался за женщин шакалов, которые ушли с Лисами. И часть их них сейчас жила с его племенем. Он боялся последствий этого обвинения, потому что хотел, чтобы Лисам доверяли и впредь. Он следил за своими людьми, чтобы они не позволяли себе ничего лишнего, и Райхана оказалась в его гэре лишь потому, что помогала его матери. Но даже среди женщин шакалов оказались те, кто мог все испортить.

Лисы многих потеряли в бою. Женщины, которые ушли с ними, сейчас многое делали, и помогали клану выжить в ситуации, когда иначе не хватило бы сил. Санджар боялся, что этот порядок нарушится после обвинений в его адрес.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит не хотелось накладывать на одного из Хонгиратов, который был все-таки ханом своего клана, какие-то ограничения по перемещению, но она считала, что в противном случае этим заработает для себя новую головную боль в виде недоверия со стороны женщин из шакалов. Законы Лис отличались от законов Шакалов, где каждый вершил самосуд, а женщины были что бесправные и безголосые вещи, подобные домашнему скоту. Да и к тому относились с большим уважением, чем к ним. Она хотела дать им понять, что Лисы не позволяют себе ничего подобного в их адрес, но, возлагая наказание на Райхану, она должна была не нарушать собственных обещаний. Женщины в безопасности, но должны соблюдать закон.

- Санджар-гуаю не разрешается покидать ставку семьи Хонгират и приближаться к тем гэрэ, что принадлежат женщинам, до заката, - как бы ни тяжело ей это далось, Алахчит была вынуждена принять такое решение. Это значило, что она демонстрирует недоверие к своему нойону, к тому, кого начинала считать своим другом, и от этого было больнее всего. Что допускает мысль об его вине.

- Я надеюсь, впредь подобные ситуации не повторятся, - добавила она. - Есть здесь несогласные с моим решением?

Ее беспокоил предстоящий суд. С женщин нечего было брать, а отправить ее в степь с оружием и конем значит отправить на верную смерть. Отец всегда учил, что наказание должно быть равно проступку. Алахчит не считала смертную казнь или изгнание решением любых проблем.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар кивнул. Он понимал, что Алахчит следовало принять подобное решение, чтобы доказать свою беспристрастность, хотя ему было неприятно быть обвиняемым. Один из нойнов Санджара хотел возразить Алахчит, но тот остановил его жестом.

- А после заката ему в гэры женщин ходить можно? - спросил кто-то из другого племени.

- От твоего остроумия аж живот сводит, - сказал ему Санджар. - До вечера, Великий Хан, - сказал он, взглянув на Алахчит, после чего отправился в свой гэр.

Он думал о том, изменится ли теперь отношение Алахчит к нему из-за этого обвинения, и смогут ли разобраться в том, что произошло на самом деле. Райхана уже была напугана, она не ожидала, что будет свидетельница, которая выступит против неё. Но Санджар все равно не знал, чего ожидать от этого вечера. И злился, что оказался в этой ситуации, когда сам следил за тем, чтобы его люди не позволяли себе ничего подобного. На кону стояла не только его репутация. Но и отношения женщин шакалов к Лисам, доверие его людей к его словам. И вера Алахчит ему лично. От этого было не по себе.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит, упрямо вздернув подбородок, искала взглядом шутника, но не смогла рассмотреть его в толпе остальных Лис - тому удачно удалось спрятаться за чужими спинами. Алахчит злилась, но старалась это скрыть. Мало того, что она вообще стала свидетелем подобной ситуации, так еще и не придумала, что ответить, чтобы поставить умника на место. Она сдержанно кивнула в ответ Санджар-гуаю и осталась ждать, пока зеваки и наблюдатели разойдутся и вернуться к своим делам, а женщины шакалов уведут Райхану в женский гэр. Вскоре пространство возле гэра хана Хонгиратов опустело, только мальчишки продолжали издали наблюдать за Алахчит, делая вид, что усиленно чинят прохудившуюся кошму у одного из гэров.

Только оставшись почти в одиночестве, Алахчит развернулась и медленно пошла к своему гэру. Она и представить себе не могла, что в ее клане может случиться нечто подобное. Когда она думала о том, с кем заключить новые союзы, где взять средства на существование кланов, кому еще продать лошадей и как пережить год, кому-то подобные проблемы даже в голову не приходили. Удачно устроиться в жизни, вот все, что волновало таких женщин. Алахчит понимала, что женщины шакалов привыкли жить по-другому, но ей было неприятно понимать, что мир между их двумя народами слишком шаток и хрупок, и сломать его может все, что угодно. Но неприятнее всего было думать о том, что в эту клевету оказался вовлечен Санджар-гуай.

Санджар Хонгират Борджигин

Почти все время до вечера Санджар был в своем гэре. К нему заходила мать, которая говорила о том, что не ожидала подобного от Райханы и выпрашивала, почему они могли не так друг друга понять. Но старалась молчать, потому что сильно нервничала. Потом начала поносить шакалиху на чем свет стоял, но и на это Санджар практически не отвечал. Он был мрачнее тучи.

К нему заходил нойны, предложили обсудить, что он должен сказать на суде, но Санджар отвечал, что уже все сказал. Он думал об Алахчит и боялся, что вся та ситуация заставит её в нем разочароваться. Он бы никогда не посмотрел в сторону Райханы, потому что его интересовала только одна женщина. Но именно об этом он не мог говорить на суде, потому что это будет самым неподходящим временем.

Вечером он пришел к гэру Великого Хана, чтобы дожидаться решения Алахчит. К этому времени там уже собралась толпа тех, кому скучно стоять в степи и не слышать новостей.

Алахчит Алтан Борджигин

Нужно было решать дела до наступления заката, но Алахчит не могла сосредоточиться, поэтому попросила старейшин оставить рабочие вопросы до завтра и оставить ее одну. Цэрэн поставила чай, а Алахчит, задумавшись, даже не заметила, как выпила едва ли половину, а вторая - остыла и покрылась пленкой жира. Она отставила глубокую пиалу на стол и вышла из гэра. Она должна была разобраться во всем сама, но расспросы Райханы ни к чему не привели. Она только рыдала и отказывалась говорить. Чуть больше прояснила Сафия, женщина с обрезанными волосами, которая вступилась за Санджар-гуая, и из женского гэра Алахчит выходила в смятении.

Наказание для Райханы начало казаться ей непомерно суровым. Но она не могла отменить суд. В любом государстве должен быть закон и порядок, которые соблюдаются всеми без исключения. Даже если на подобный поступок Райхану толкнуло отчаяние и влюбленность, она должна была отдавать себе отчет в том, что будут последствия.

На закате она вышла из своего гэра, где вокруг большого костра уже собирались те, кому хотелось знать подробности. Была здесь и Райхана, напуганная и с заплаканным лицом. И Санджар-гуай, мрачный, как грозовая туча.

- Я приняла решение, - слова давались ей непросто. - Райхана из рода Менгу обвиняется в клевете и понесет наказание. Ей обрежут волосы. Также сроком на три года на нее возлагается запрет на замужество. Все это время Райхана должна будет во всем помогать целителям кланов. Райхана, подойди, - Алахчит вынула из ножен кинжал.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар смотрел на Алахчит, черты лица которой преображались в свете пламени. Сейчас он впервые подумал о том, что не хотел бы слишком сурового наказания для Райханы - изгнание для неё было бы смертным приговором. Но решение Алахчит казалось ему достаточно мягким. Он молчал, глядя за тем, что происходило. Его вины в этом не было: Райхана совершила проступок, за который отвечала. Этого могло не быть, если бы она просто ушла, а не стала выдумывать, что он к ней приставал. Она хотела ему отомстить, но поплатилась сама.

Возле Санджара стояли его нойоны. Они тихо обсуждали, что Алахчит решила по справедливости, хоть традиции и были более суровы. Сейчас каждый человек был на счету. Даже те, кто запятнал себя недоверием орды.

Санджар чувствовал, как проходила внутренняя дрожь. Но он по-прежнему молчал, потому что не хотел, чтобы какие-то его слова были истолкованы неверно. Например, благодарность Алахчит могла быть расценена как то, что он считал её решение продиктованным предвзятым отношением а не справедливостью.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит старалась не смотреть по сторонам, хотя ее пальцы несколько вспотели и скользили по рукоятке кинжала. Даже перед битвами волнение было другим. Алахчит могла бы поручить эту неприятную работу кому-то из своих нойонов, могла бы предложить Санджар-гуаю самому исполнить наказание. Но ей было по-женски жалко Райхану, которая будет в таком случае опозорена еще сильнее. И тот, кто выносит приговор, должен сам заносить меч.

Женщина подошла, вся залитая слезами. Только сейчас Алахчит обратила внимание, что она достаточно молода и ее можно было бы посчитать привлекательной, если бы не следы слез на опухших щеках. У нее были длинные волосы, сейчас заплетенные в небрежную косу, но дэгэл был застегнут на все пуговицы. Изгнание стало бы для нее смертным приговором.

Алахчит в два шага сократила расстояние между ними, поднимая кинжал, и крепко взявшись за основание косы, перерезала ее настолько коротко, насколько смогла. Тяжелые волосы упали на землю. Алахчит убрала кинжал и отошла обратно к порогу своего гэра.

- Я хочу обратиться к тем женщинам, что согласились покинуть свои кланы и присоединиться к нам. Вы вправе сами решать свою судьбу. Вас никто не удерживает силой, если вы желаете покинуть клан, вам будет предоставлена лошадь, оружие и припасы. Если вы приняли решение остаться, вы можете пользоваться всеми правами и благами, нашей защитой и доверием. Вас никто не заставит выйти замуж или родить ребенка против вашей воли. Вы вольны не выходить замуж вообще, если таково ваше решение. Но взамен я требую уважения к нашим законам и их беспрекословного соблюдения. Суд окончен.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар не чувствовал никакого злорадства, глядя на напуганную и заплаканную Райхану. Он был рад, что Алахчит сама же исполнила свое решение, потому что ему было бы не по себе обрезать Райхане волосы, как и многим другим нойонам. Такое наказание было позорным, но не подвергало опасности жизнь девушки. О поступке Райханы вряд ли забудут, сейчас на стоянке происходило не так много событий. Но она могла оставаться с Лисами и исправить отношение к себе со временем.

- Спасибо, Великий хан, - подала голос из толпы Сафия, которая стала свидетелем, решившим ситуацию в пользу Санджара. - Райхана поступила плохо не для Санджар-гуая, а для нас, женщин. Её ложь может помешать услышать правду от другой, женщинам и так не верят.

- Вам нет причин сомневаться в решениях Алахчит-хаан, - сказал Санджар. - Если бы я был виновен, я бы понес наказание. И оно было бы строже того, что присуждено Райхане.

Это было бы как минимум изгнание, потому что в ситуации, когда женщины шакалов доверились Лисам, нужно было любой ценой сохранить их веру.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит было мерзко от сложившейся ситуации, неприятно от того, что ей пришлось накладывать на кого-то наказание за проступок, который ей самой бы никогда не пришел в голову. Алахчит привыкла, что свобода ценится превыше всего, и все, что навязывается насильно - отторгается самой сущностью Лис. И было дико понимать, что женщины Шакалов долгое время жили по другим порядкам. Райхана надеялась на добросовестность и честность Санджар-гуая, но не ожидала, что у безобразной сцены найдутся свидетели. Алахчит хотела бы ее понять лучше. Сафия сообщила, что Райхана была беременна от кого-то из Шакалов. Возможно, опасалась, что лишится ребенка или хотела найти ему отца среди Лис. Или была влюблена. Или...причин могло быть огромное множество.

- Я сделаю все возможное, чтобы это недоразумение никак не повлияло на доверие между нашими племенами. Каждая женщина будет выслушана и услышана.

Алахчит привыкла относиться к людям так, как хотела бы, чтобы относились к ней самой. И должна была заботиться о тех, кто доверил ей свою жизнь и безопасность. Она посмотрела на Санджар-гуая, когда он высказал надежду на ее справедливость. Она все еще не разговаривала с ним лично с самого утра.

- Закон будет един для всех, - закончила Алахчит. - Для хана, нойона, мужчины и женщины.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар встретился взглядом с Алахчит. Он бы хотел с ней поговорить наедине, чтобы убедиться, что она ему по-прежнему доверяла. Ему было важно её отношение, и не только из-за того, что она была Великим Ханом. Вся сегодняшняя ситуация была противна из-за подозрений, которые не него обрушились, и лишь заступничество Сафии сейчас его выручило, потому что других свидетелей у него не было. А Яшви Угдан, которая могла узнать больше у своих духов, и которой Алахчит верила, сейчас была где-то в Непале.

Зеваки начали расходиться. Был вечер, скоро начнет холодать, и нужно было разжечь очаги в гэрах, чтобы не замерзнуть ночью, и разобраться еще с кучей дел, которые не пропадали в то время, когда шел суд. Санджар заметил в толпе свою мать. Она молчала, но он видел, что она наконец-то успокоилась за него. Он подошел к ней и встал рядом. Она робко коснулась его руки, но все же держалась чуть в стороне - считала, что негоже опекать нойона на глазах у всей Орды.

Алахчит Алтан Борджигин

Теперь, когда решение было вынесено и приведено в действие, толпа начала разбредаться, поняв, что зрелищ больше не будет, а вечерние дела не требовали отлагательств. В степи быстро темнело, делая невозможным работу на улице без дополнительного освещения, но Алахчит предпочитала, чтобы ее люди отдыхали после захода солнца, чтобы быть готовыми подняться с рассветом.

Алахчит снова искала глазами Санджар-гуая, заметив, что он стоит неподалеку от женщины средних лет, вероятно, его матерью. Она должна была с ним поговорить, но Алахчит одновременно и хотелось этого и нет. Ее потрясло, насколько

неприятной ей была мысль, что у Санджар-гуая будет женщина или он женится, как и планировал. Это было неправильно. Она не должна была об этом думать.

- Санджар-гуай, зайди ко мне, - велела она ему, поймав его взгляд, после чего развернулась и зашла в гэр. Хан она или не Хан? Коли хочет поговорить с одним из своих нойонов неотлагательно, имеет на это полное право сделать это тогда, когда посчитает нужным. Хотя стоило признаться самой себе, что как Хан она пока выглядит крайне неубедительно.

Алахчит подошла к отцовскому креслу с кривыми ножками. С самого начала, когда ей пришлось принимать титул хана, она не переставала думать о том, а как бы поступил он в такой же ситуации.

Санджар Хонгират Борджигин

Несмотря на то, что Санджар не знал, в каком настроении была Алахчит, и что она думала о произошедшем, он был рад этому приглашению. Он сказал матери, чтобы не дожидалась, когда он освободится, и отправился в гэр Великого Хана.

Алахчит уже сидела на своем кресле, которое явно было рассчитано на более крупного Хубилай-хаана, но Санджар был уверен, что это место было её по праву. Никто не чувствовал бы себя уверенно, оказавшись во главе ослабленной Орды, когда никто очень давно не был Великим Ханом, и когда с тобой связаны надежды такого количества людей. Чужие надежды порой вынести тяжелее, чем чужое презрение.

- Ты завала меня, Алахчит-хаан, - сказал Санджар, остановившись неподалеку от девушки.

Этот день был нервным. Несмотря на то, что Алахчит рассудила справедливо, Санджар все равно чувствовал, что в нем могли сомневаться, вспоминая эту историю.

Алахчит Алтан Борджигин

Санджар-гуай не заставил себя долго ждать, и Алахчит внимательно на него посмотрела, когда он вошел в гэр и остановился перед ней. Она кивнула. Звать-то звала, а вот как начать говорить - и не знает. Алахчит сжала подлокотники кресла и подавила желание встать, чтобы начать нервно ходить туда-сюда по гэру. Хороша Хан, не может себя в руках держать.

- Звала, Санджар-гуай, - Алахчит не расслабила ладоней. Она бы предпочла, чтобы этого разговора не было. - Скажи мне, не было ли чего тобою сказано, что Райхана могла понять как надежду или обещание? Я видела, ты и твоя мать были добры к ней.

Одно неосторожное слово или взгляд могли превратить спичку в настоящий пожар, чем Райхана могла воспользоваться. Если так - то обвинять ее становится еще сложнее. Учитывая, что она была беременна, в ее интересах было поторопить события. Она могла разговориться с матерью Санджар-гуая, и старшая женщина могла выразить сожаление, что сын еще не женился, хотя возраст и статус давно

позволяли ему это сделать.

Но больше всего Алахчит хотела разобраться в этом для самой себя. И избавиться от неприязненной ей мысли, что могла ошибиться в своем решении.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар задумался над вопросом Алахчит. Он не знал, о чем с Райханой могла говорить мать, но вряд ли давала какие-то надежды. Когда шакалиха начала помогать в их гэре, мать между делом спросила Санджара, что он о ней думает, ведь ему давно пора жениться. Но он однозначно ответил, что Райхана ему не интересна, и был уверен, что после этого намека мать не давала девушке никаких надежд.

- Райхана помогала моей матери в гэре, но я не думаю, что что-то из моих слов могло звучать иначе, чем вежливость или благодарность, - ответил Санджар. - И моя мать знала, что я не видел в Райхане возможную невесту, поэтому не стала бы что-то подобное с ней обсуждать.

Он был упрям, и мать давно с этим смирилась. Санджар был готов выслушать её советы, но злился и прекращал разговор, как только считал, что она хочет убедить его в чем-то хитростью. Сейчас, когда он отвечал за своих людей, он тем более считал, что в праве сам решать, как и кем ему жить. Его сердце было занято, тем более после того, как свадьба Алахчит сорвалась, и появилась надежда.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит испытала одновременно и облегчение и еще большую озадаченность от этого ответа Санджар-гуая. Она отмела одну из своих версий, почему женщина Шакалов так поступила, но взамен ничего не прояснилось, а объяснять свои мотивы Райхана не хотела ни в какую.

- У меня нет причин не верить тебе, Санджар-гуай, - призналась Алахчит. И все равно было какое-то странное ощущение, недосказанности, наверное, потому что Алахчит стоило признаться, что эта ситуация не только выглядела уродливо, но и заметно выбила ее из колеи. Ей хотелось ему верить.

Она думала о том, имеет ли она право раскрыть секрет Райханы, что поведала ей Сафия, и Санджар-гуаю, чтобы ему было чуть лучше понятно ее поведение, но в итоге решила, что оставит это все в тайне. Судя по всему, сам Санджар ни о чем не догадывался, и не Алахчит было об этом рассказывать. Бедняжка Райхана, должно быть, увидела нечто большее для себя в обычном проявлении доброты, не привыкшая к такой роскоши.

- Не думала я, что все так сложится, - добавила она. Она не ошиблась, это, несомненно, было хорошо, но не добавляло ей особой радости. - Есть ли среди Лисиц та, что тебе по сердцу, Санджар-гуай?

Сейчас самое время жениться, чтобы семья становилась еще крепче. Да не питать пустыми надеждами тех, кто ищет себе выгоду.

Санджар Хонгират Борджигин

Следующий вопрос Алахчит оказался еще сложнее, и Санджар не сразу решился на него отвечать. Он не хотел врать, а сказать правду было слишком неловко. И за то время, что он подбирал слова, Алахчит могла заметить, что он смутился.

- Да, есть, - честно ответил Санджар.

Ему было неловко при этом смотреть на Алахчит и в то же время сложно отвести от неё взгляд. Он больше ничего не сказал, хоть и сомневался, что новые вопросы не заставят его рассказать больше о том, о чем он долгое время молчал и не считал правильным говорить сегодня.

Санджар не знал, когда бы вообще он решился говорить об этом с Алахчит, он ждал какого-то более удачного момента, когда его признания были бы наименее неуместными. А в итоге пришлось отвечать на вопрос о симпатиях в день, когда меньше всего хотелось это обсуждать.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит все же не выдержала, поднялась, отошла, глядя на вшитую цветными нитками картину из войлока на одной из стен гэра. Сложно сказать, чего она добавилась, задавая этот вопрос. Санджар-гуай был молод, хорош собой, носил титул хана и нойона. Его клан можно было считать одним из самых богатых в степи, частично благодаря сотрудничеству Берке с Шакалами, но это ничего не меняло. Санджар-гуай был завидным женихом, глупо это было отрицать.

- Вот как, - голос ее оставался ровным, да и на лице вряд ли проступило сожаление. Алахчит было сложно научиться контролировать себя и свои эмоции, но она должна была этому научиться, когда все поменялось. Она обернулась вполоборота, чтобы взглянуть на Санджар-гуая. - А что же лисичка твоя, или не мил ей?

Она вдруг подумала о том, что никогда не видела рядом с ханом Хонгиратов кого-то из молодых незамужних женщин, но это могло не значить ровным счетом ничего. Не так уж часто у нее выдавалось время как-то пристально рассматривать, с кем проводит свое время Санджар-гуай. Хоть Лисы и довольно спокойно относились к добрым отношениям, на людях старались вести себя в рамках дозволенных приличий.

Санджар Хонгират Борджигин

Несмотря на смущение, Санджар стал с любопытством наблюдать за реакцией Алахчит, особенно когда она поднялась со своего места и стала ходить по гэру. Это позволило на какое-то время не чувствовать её внимательный взгляд на себе, а от этого прибавилось смелости. Алахчит стала расспрашивать дальше, и нужно было что-то на это отвечать.

- Она не моя, - ответил Санджар. - И несмотря на то, что её свадьба сорвалась, я думаю, ей сейчас не до меня.

Он смотрел на профиль Алахчит и видел взгляд её темных глаз. Как у любой лисицы

по её взгляду можно было понять не больше, чем она была готова сказать вслух. И сейчас Алахчит казалась Санджару особенно красивой. Он не знал, куда зайдёт и чем закончится этот разговор. Сейчас было похоже, будто порыв ветра раздул тлевшие угли, на которых тут же начали плясать языки пламени. И это пламя было надеждой.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит сначала не совсем поняла сказанное Санджар-гуае. Она отстранено подумала, что, вероятно, Санджар-гуая настигло неразделенное чувство, но сейчас у него появилась возможность, потому что по какой-то причине свадьба его возлюбленной с кем-то другим сорвалась. Она медленно наклонила голову к плечу, глядя на мужчину, но чем дольше думала над его словами, тем все лучше доходил до нее весь смысл. Какая ирония и так похоже на ее историю. Ее свадьба тоже сорвалась, но Алахчит не испытывала по этому поводу никакого сожаления. И ее мысли тоже были заняты совсем не поиском новой возможности выскочить замуж как можно скорее.

Но Алахчит не стала спрашивать имя той, о ком говорил Санджар-гуай. Она видела, что ему и так неловко отвечать на ее расспросы, и не могла сама себе дать внятное объяснение, зачем продолжает расспрашивать. Простое ли любопытство ею двигало?

- Надеюсь, все образуется, Санджар-гуай, - ответила Алахчит. Она чувствовала, что ведет себя глупо, вернулась к креслу, но садиться не стала. В детстве она любила забираться в него с ногами и играть на нем в куклы, представляя, как ведет по степи большой клан. Знала бы она, что нужно осторожнее играть и мечтать. - И ты наконец будешь со своей лисичкой.

Санджар Хонгират Борджигин

- Я тоже на это надеюсь, - усмехнулся Санджар.

Алахчит не поняла, что речь шла о ней, и сейчас он должен был решать: сказать больше, или оставить все как есть. Замолчать и закрыть тему было проще, но тогда Алахчит будет считать, что его сердце занято другой, что создаст между ними пропасть. Санджар видел, что именно сейчас он должен был решить: говорить о своих чувствах дальше, или забыть навсегда или по крайней мере надолго о том, что он хотел добиться внимания Алахчит. И он решил продолжить этот разговор.

- А ты не думала о замужестве, Алахчит-хаан? - спросил Санджар.

Прошломu её жениху пришлось несладко, не хотелось оказаться на месте суженого, который был ей не люб. По меркам Лис Санджар был завидным женихом: уже в должности нойона и достаточно богат, но еще не в том возрасте, когда должность и богатство воспринимались как повод закрыть глаза на самого будущего мужа. Если бы он хотел жениться на любой другой лисице, не связанной обещаниями с другим, он бы спокойно к ней посватался. Но с Алахчит все было намного сложнее.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит тонко улыбнулась. Она думала, что на этом разговор будет окончен, но Санджар-гуай не торопился уходить, по-видимому, не все с ней обсудив. Она вопросительно на него посмотрела, но не ожидала его вопроса. Казалось, она уже давно все решила, еще тогда, в ставке Шакалов.

- Уже не так важна я Лисам, как Хан, но важнее, как жена? - усмехнулась Алахчит, подробнее вспоминая разговор между ними в ее гэре перед битвой. Алахчит понимала, что когда-нибудь выйдет и замуж и родит детей. Это было закономерно, и она принимала такой для себя путь. Но не сейчас - сейчас ей нужно было подумать о целом клане, а не о том, где себе искать мужа. Она лишь знала точно, что это будет человек, с которым ей действительно захочется провести рядом всю жизнь, а не династический выгодный брак с тем, кого она не любит, но который принесет ее клану пользу. Но такого человека у нее пока на примете не было, да и она слишком мало об этом думала. Были проблемы гораздо серьезнее, например, как бы справиться с упрямыми ханами, как договориться с зайцами и где искать медведей.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар внимательно посмотрел на Алахчит, выслушав её ответ. Он сам говорил ей, что ей подойдет тот, кто будет видеть в ней хана. Как и те слова, которые сейчас стали её вопросом.

- Нет, Лисам ты важнее всего как Великий Хан, - ответил Санджар. - Поэтому я сказал, что той лисице, которая мне по сердцу, сейчас не до того.

На этот раз он не старался отвести взгляд от Алахчит. Он все-таки сказал прямо, насколько мог, и был готов к тому, что она его просто отошлет. Но хотя бы будет знать о том, что он думал на самом деле, чтобы не догадываться о чем-то своем.

Сегодня было слишком много недопонимания. И пусть Санджар не мог с самого начала прямо сказать Алахчит, что не смотрел ни на какую Райхану, потому что других женщин для него сейчас просто не существовало, их разговор все же дошел до этого непростого признания. Санджар, как любой лис, был гордым. Он боялся, что его отвергнут, но все же считал, что быть отвергнутым Великим Ханом - достижение уже потому, что посмел об этом с ней говорить.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит не могла сказать, что ей нравится, в какую сторону повернул разговор. Потому что считала все давно решенным, по меньшей мере до тех пор, пока она не будет уверена в безопасности и силе своего клана. Пока в степи они не станут хозяева, перестав опасаться, что любая мало-мальски вооруженная шайка степных бандитов может прекратить существование Лис. Они объединились, но много Лис погибло в бою, и людей не хватало.

Она могла бы пресечь разговор, отправить Санджар-гуая вон, сославшись на дела, усталость и просто нежелание об этом говорить, но Алахчит хотела, чтобы ее люди ей доверяли, а потому должна была их уметь слушать. Она была уверена, что Санджар-гуай не стал бы продолжать, если бы это было для него не так важно, раз он осмелился задать свой вопрос. Ведь это он громче всех ее убеждал, что Шакал ее недостоин.

И после признания одного из Хонгиратов понимание обожгло ее так сильно, будто она голой рукой схватилась за раскаленное добела железо, и в той воображаемой ей возлюбленной Санджар-гуая вдруг начали проступать знакомые черты. Ее черты.

- Ты прав, Санджар-гуай, - честно ответила она, - я не думаю о замужестве сейчас. Не могу думать, когда должна думать о клане и его благе.

Санджар Хонгират Борджигин

- Я знаю, Алахчит-хаан, - ответил Санджар, глядя на девушку.

Не отослала, ответила честно. Санджар был рад уже тому, что она его услышала и поняла, а дальше покажет время. Потому что после этого разговора у него оставалась надежда на то, что со временем он сможет быть с ней, даже если сейчас Алахчит совершенно не до мыслей о замужестве.

- Поэтому не сватаюсь к тебе. И не стал бы говорить, если бы ты сама не спросила, - сказал Санджар. - Я надеюсь, что настанет другое время, когда в клане все будет благополучно, когда ты сможешь думать не только о нем. А пока я - просто твой нойон, Великий Хан. И надеюсь быть тебе полезным.

Лисы были в начале пути. Им предстояло долгое лето, когда нужно найти новые дороги, новые стоянки и новые союзы. И это могло длиться не один год. Но Санджар понимал, что если он надеялся быть с Алахчит, ему придется проявить терпение. Пламя на углях стало едва заметным, но сохранилось теплом от мысли, что все было возможным, пусть даже не сейчас.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит надеялась, что когда все уляжется с Райханой, и решение будет принято, а от этого дня останутся одни только воспоминания, ей станет легче. Но на самом деле она и представить себе не могла, куда и к чему приведет ее на первый взгляд безобидная просьба Санджар-гуая зайти и поговорить с ней. И легче ей ничуть не стало.

- Спасибо, Санджар-гуай. Ты - хороший хан и верный нойон, я благодарна тебе за помощь. Пока мне этого достаточно, - ей было приятно его общество, и уж она точно предпочитала его обществу того же шакаленка, который чуть более открыто проявлял свою симпатию, как это делает совсем еще мальчишка - горячо и настойчиво. Санджар-гуай был на него не похож, все же он был Лисом, а не Шакалом. Но и до сегодняшнего дня она не понимала, не видела, что занимает какое-то иное место в сердце Санджар-гуая, нежели должен занимать Великий Хан.

- А сейчас ступай, - попросила она. - Мне нужно подумать. Доброй ночи.

Сможет ли она теперь как и раньше воспринимать Санджар-гуая исключительно как хана и нойона, отделяя в его советах симпатию от действительности? Или проще будет его избегать, по-девчоночьи, наивно и глупо, в надежде, что все обойдется как-нибудь само? Сложно. Или, может, в ее мыслях все же найдется место не только заботам о клане?

Санджар Хонгират Борджигин

- Доброй ночи, - ответил Санджар.

Он покинул гэр Алахчит и отправился к себе. Уже стемнело, и на улице почти никого не было. На небе уже загорелись огромные яркие звезды, такие же бесконечные, как и степь.

Санджар чувствовал себя беспокойно после событий дня и вечернего разговора, но ему казалось, что сегодня он стал на полшага ближе к Алахчит, чем был прежде. Он хотел в это верить.

Ему казалось, что у него впереди достаточно времени, и лучше ждать журавля в небе, чем радоваться синице в руке. В голове роились мысли. Мог ли он сказать что-то иначе? Мог, но сказанного сегодня было достаточно. Алахчит сейчас нужно было думать о клане, а не о собственной семье. И Лисы переживали важный и сложный период в своей истории. Со стороны Санджара сейчас было бы глупо и эгоистично настаивать на каких-то отношениях. Но ему оставалась надежда а будущее, а этого уже не так уж мало.
